
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

© 2012 г. О. А. Артемьева

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии
Иркутского государственного университета, Иркутск;
e-mail: oartemeva@yandex.ru*

Рассматривается проблема социальной детерминации развития психологической науки, основные направления ее решения авторами современных отечественных и зарубежных учебников истории психологии. Конкретизируются представления о характере и особенностях оказываемого влияния, его видах, уровнях, функциях, о взаимосвязи с предметно-логическим и личностным факторами. Представляются итоги изучения политического аспекта социальной детерминации развития советской психологии. Делается вывод об актуальности изучения социальной детерминации развития отечественной психологии в связи с недостаточной разработанностью проблемы.

Ключевые слова: история психологии, социальная детерминация развития психологии, политическая детерминация развития психологии, зарубежная психология, отечественная психология, дух времени.

Возросшая роль разных форм психологического знания в жизни современного человека обуславливает необходимость рефлексии факторов его развития. Особый интерес в силу больших возможностей контроля и управления ими представляют социальные детерминанты развития психологии. В психологии науки и истории психологии используется трехаспектный подход к анализу научной деятельности, предложенный М.Г. Ярошевским [13, 24 и др.]. Автор выделяет “единую триаду” логической (когнитивной), социальной и психологической (личностной) переменных научной деятельности и соответствующих факторов развития науки. Реализацией трехаспектного подхода стали историко-научные работы по анализу научного творчества И.М. Сеченова, Л.С. Выготского и т.д. [24 и др.]. Однако социальный аспект детерминации в историко-психологических трудах автора не становится самостоятельной проблемой. В частности, положения М.Г. Ярошевского об уровнях, формах, этапах и результатах социальной детерминации находят лишь эпизодическое воплощение в его историко-психологических трудах. В работе А.В. Юревича “Социальная психология науки” представлено развернутое описание уровней социально-психологической детерминации научной деятельности, также имеющее методологическое значение, но не реализованное на историко-психологическом материале [23].

Думается, что продуктивное решение проблемы социальной детерминации развития психологии возможно при обращении к конкретным случаям развития науки и к истории психологии в целом. С введением данной проблемы в историко-научный контекст нами связываются надежды на прорыв, в свое время произошедший в философии науки благодаря работам постпозитивистов К. Поппера, Т. Куна и др., обратившихся к изучению динамики научного познания на материале отдельных случаев истории науки. Не устанавливая специальной исследовательской задачи, современные отечественные и зарубежные историки психологии так или иначе обозначают собственные позиции по данной проблеме [5, 10, 22 и др.]. В целях выявления перспектив ее разработки определим современные тенденции изучения социальной детерминации развития психологии, представленные в систематизированных работах по истории психологии, прежде всего, в учебниках.

ТЕНДЕНЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

В последнем совместном учебнике истории психологии М.Г. Ярошевского и А.В. Петровского представлено системное видение задач истории психологии [13]. Отмечается необходимость изу-

чения закономерностей развития знаний о психике, раскрытия взаимосвязи психологии с другими науками (когнитивная координата науки), изучения роли личности, ее индивидуального пути в становлении самой науки (личностная координата), а также определяется задача выяснить зависимость зарождения и восприятия знаний от социокультурного контекста (коммуникативная координата). Особое внимание авторы уделяют значению идеологических, общественных запросов для научного творчества.

Зависимость развития науки от положения личности в обществе, специфической идейной атмосферы иллюстрируется примерами из истории психологии в эллинистический период, в эпоху Возрождения и т.д. Отдельное внимание уделяется “социокультурным корням” развития психологии в России. История русской психологической мысли второй половины XIX – начала XX вв. представляется в контексте социоэкономической истории народа. Характеристика предреволюционного периода дается в контексте освобождения крестьян, поражения в Крымской войне, осознания необходимости коренных реформ; все это вызывало интерес к особенностям русского менталитета, национального самосознания. Как итог осмысления “коллизии душевной организации людей в ставшем зыбким и неопределенным социальном мире” в искусстве авторы представляют художественные произведения Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др., а также антропологический (Н.Г. Чернышевский и др.) и теологический (В.С. Соловьев и др.) подходы к проблеме человека. Развитие психологии в советский период А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский описывают в связи с условиями тоталитарного режима. Отмечается усвоенная психологами “тактика выживания”, в результате чего “изучение личности заменяли идеологически нейтральные исследования типов нервной деятельности, темпераментов и способностей” и т.п. [13, с. 230].

Автор отечественного учебника по истории психологии А.Н. Ждан, выдержавшего с 1990 по 2008 гг. восемь изданий, также замечает, что психология, как и всякая другая наука, обладает лишь относительной самостоятельностью, а психологи как ученые зависят от условий экономического развития. Говоря о необходимости изучения исторического фона развития психологических знаний, автор предостерегает от простой синхронизации их с показателями уровня социально-экономического развития: “Социальные условия в значительной степени влияют на выбор проблемы, а также на характер ее решения” [5, с. 18]. Со ссылкой на К. Нири приводится один из наибо-

лее ярких примеров такого влияния – “Толкование сновидений” З. Фрейда как источник сведений о социальных и политических впечатлениях, формировавших мышление и мировоззрение автора с раннего возраста. Характеристику сложных отношений науки и общества А.Н. Ждан дополняет цитатой из Л.С. Выготского: “Закономерность в смене и развитии идей, возникновение и гибель понятий, даже смена классификаций и т.п. – все это может быть объяснено на почве связи данной науки: 1) с общей социально-культурной подпочвой данной эпохи, 2) с общими условиями и законами научного познания, 3) с теми объективными требованиями, которые предъявляет к научному познанию природа изучаемых явлений на данной стадии их исследования” [3, с. 302].

Автор другого известного российского учебника по истории психологии (девятое издание которого вышло в 2009 г.) Т.Д. Марцинковская решает специальную задачу представления истории психологии в контексте истории культуры [10]. В данной книге внимание уделяется связи психологических теорий с ментальностью их создателей, исторической ситуацией, в которой они жили и работали, их идеалами и ценностными ориентациями. Соответственно, среди источников историко-психологического исследования, помимо трудов ученых, архивных материалов и т.п. называются историко-социологические материалы и даже произведения художественной литературы, помогающие воссоздать “дух времени” (*Zeitgeist*).

Социальный аспект детерминации развития психологии как науки автор обозначает через влияние социальной ситуации. “Последнее заключается в том, что общественные, исторические условия, культурное и политическое окружение воздействуют как на содержание научных концепций, так и на их распространение, помогают развитию научных школ и направлений или затрудняют его” [10, с. 7]. Т.Д. Марцинковская определяет промежуточный психологический процесс такого влияния – социальную перцепцию, т.е. восприятие и понимание отмеченных социокультурных условий учеными и научным сообществом в целом. Называются пути влияния социальной ситуации на психологическое познание. Во-первых, создание условий для возникновения той или иной концепции. Автор приводит пример влияния реформ 60-х годов XIX в. в России на подъем национального самосознания и появление концепций “психологии национального характера”. Во-вторых, социальная ситуация может определять дальнейшую “судьбу” теории – ее принятие или отторжение. Соответствие научных концепций ожиданиям общества способ-

ствуется привлечению к работе над ними наиболее способных, целеустремленных молодых исследователей. Благодаря этому в русле определенного подхода происходят наиболее ценные открытия, придающие ему еще большее значение. В качестве примера Т.Д. Марцинковская рассматривает ведущую роль И.М. Сеченова в определении пути построения психологии в середине XIX в. в России. По мнению автора, соответствие его идей ожиданиям скорейших изменений в идеалах и системе ценностей общества определили приоритет над теорией К.Д. Кавелина: теория Сеченова связывала психологию с популярной в то время и многообещающей физиологией, тогда как Кавелин обращался к философии, не имевшей объективных методов исследования. Однако «те же взгляды, основанные на том, что в первую очередь надо рассмотреть не поведение, но духовные свойства, стремления и нравственные ценности человека, высказанные почти через 20 лет В.С. Соловьевым уже в другой социальной ситуации, нашли и понимание, и поддержку общества» [10, с. 8]. В целом в качестве решающих для становления российской психологии Т.Д. Марцинковская определяет такие параметры социальной ситуации, как ментальность, идеологию интеллигенции и особенности реформ, проходивших в российском обществе. Социальная ситуация, определившая состояние современной отечественной психологии, связывается с тенденциями деидеологизации, пересмотра методологических основ науки, отказа от догматической ориентации на диалектический материализм в ущерб другим философским школам, а также свободой общения с зарубежными коллегами и обращением к достижениям мировой науки.

Таким образом, для описания закономерностей социально-психологической детерминации развития психологии Т.Д. Марцинковская вводит два специальных термина – «социальная ситуация» и «социальная перцепция». В зависимости от этапа «жизни» научной концепции определяются этапы испытываемой детерминации – становления концепции, ее принятия и распространения. Рассматривается взаимовлияние социального, личностного и предметно-логического факторов. При этом логика развития психологической науки определяется в качестве ведущего фактора.

В учебнике «История психологии» для аспирантов, подготовленном Т.Д. Марцинковской совместно с А.В. Юревичем, озвучиваются близкие позиции. Авторы высказывают общую для них идею культурной обусловленности развития науки. В монографии «Социальная психология науки» А.В. Юревич, продолжая традицию,

представленную в работах М.Г. Ярошевского, В.П. Карцева, выделяет уровни социально-психологической детерминации научной деятельности, соответствующие уровням ее субъекта [23]. Высший уровень социально-психологической детерминации, по мнению А.В. Юревича, отражает влияние общества на каждого своего члена. Соответствующие культурно-исторические, географические и другие особенности определяют массовую психологию. Ее основные характеристики фиксируются в модальной личности, т.е. в наиболее распространенном в данной социокультурной среде типе личности. Представители одного общества присваивают схожие регуляторы социального поведения, в частности, установки. Ученые также становятся носителями определенных установок. В качестве примера А.В. Юревич приводит влияние протестантской этики Нового времени на «западный» подход к науке, выразившийся в прагматических установках в отношении природы и целей научного познания. Отличные когнитивные установки сложились среди российских ученых: созерцательность, ценностная нагруженность, отторжение западной науки в целом («германский комплекс»). Среди социальных установок А.В. Юревич называет коллективизм, романтический сциентизм и др. Таким образом, можно говорить об определенном культурно и исторически обусловленном типе науки.

Объединение науковедческого и историко-культурологического подходов к истории психологии в работе Т.Д. Марцинковской и А.В. Юревича способствует формированию системного представления как об уникальных социальных контекстах развития психологического научного познания, так и о механизме их влияния на науку. В учебнике не только обозначаются теоретические основы изучения науки как социальной подсистемы, но и предпринимается попытка операционализации понятий, отражающих социальность науки, прежде всего, понятия «социальная ситуация» развития науки. Данная работа отражает современную тенденцию роста междисциплинарных связей при изучении таких сложных самоорганизующихся систем, как наука.

ТЕНДЕНЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

Значительное внимание социальной детерминации науки уделяют зарубежные историки психологии. Американский исследователь, автор трех изданий «Истории современной психологии» Томас Лихи опровергает взгляд на науку как

на чисто рациональную сферу деятельности. Ученых он характеризует как людей, навыки восприятия и рассуждения которых, несмотря на жесткое обучение, подвержены тем же ограничениям и ошибкам, какие присущи и всем остальным [9, с. 25]. Специфика целей, ценностей и нормативов, которыми руководствуются ученые, задается в ходе обучения и работы внутри научного сообщества и изменяется в зависимости от исторического периода. “Наука представляет собой общественный институт, обладающий определенными потребностями и задачами, в пределах более крупного общества, а ученые – это люди, социализированные в данной культуре и жаждущие успеха в определенном социальном окружении” [там же, с. 39]. Т. Лихи сравнивает два подхода к истории науки: истории, творимой Великими людьми, и истории, которую творят безличные силы, “дух времени”. Автор склоняется ко второму подходу, начало которого он обнаруживает в работах Г. Гегеля и К. Маркса, рассматривавших направленность истории человечества к некоему конечному пункту – абсолютной реализации Духа или Бога или же к окончательному построению совершенного экономического строя. Этот подход определяет изложение историко-психологического материала на широком общественном и историческом фоне.

Вклад Т. Лихи в развитие представлений о социальных факторах развития науки отмечается норвежским исследователем Пером Саугстадом. В своей работе “История психологии. От истоков до наших дней”, третье издание которой переведено на русский язык, он называет следующие факторы, влияющие на развитие психологической науки: вклад отдельных талантливых ученых; влияние других наук; факторы общественной жизни (иначе говоря, те же три фактора, что и в работах М.Г. Ярошевского). Автор отмечает зависимость психологов-практиков от общественных потребностей, психологов-исследователей – от своих должностей, финансирования, от наличия университетов и научных центров. Влияние общества и культурной среды на психологов и психологию реализуется через трансляцию духовных ценностей, представления о морали, религии, искусстве, науке. Саугстад разводит понятия общественной и коллективной детерминации психологической науки, понимая под последней влияние взаимодействия ученых друг с другом на развитие их идей и формулирование выводов [16]. В терминах М.Г. Ярошевского, речь идет о социальной и научно-социальной детерминации.

Авторы другого американского учебника по истории современной психологии, выдержавшего на родине шесть изданий, Д.П. Шульц и С.Э. Шульц представляют историю психологии как историю великих идей и научных школ мышления [22]. Каждая психологическая школа рассматривается ими как течение, “вырастающее из исторического контекста”, а не как нечто независимое. Исторический контекст определяется интеллектуальным “духом времени”, а также социальными, политическими и экономическими факторами. Иными словами, Д.П. Шульц и С.Э. Шульц характеризуют иерархические уровни социальной детерминации: уровень социально-исторической детерминации и определяемый им уровень детерминации научной школой. В этом положении обнаруживается сходство с идеей В.П. Карцева об уровнях субъекта творческой деятельности в науке [7]. Д.П. Шульц и С.Э. Шульц называют конкретные виды действия контекстных сил, воздействовавших на психологию в прошлом и продолжающих затрагивать ее сегодня. В.А. Кольцова вскрывает в их описании определенную структуру социально-исторических детерминант становления и развития психологической науки: социальное и экономическое состояние общества; уровень финансирования психологических исследований; их практическая востребованность и наличие сфер приложения психологических разработок; восприятие и оценка обществом значимости психологии и ее возможностей в решении актуальных проблем жизни; эпохальные исторические события, влияющие на судьбы психологов и развитие науки (войны); расовые, гендерные, национальные, религиозные предубеждения и дискриминации, существующие в обществе [8]. Особого внимания заслуживает обращение авторов к зависимости развития психологии в XX в. от практики. Как разновидность проявления экономического фактора Д.П. Шульц и С.Э. Шульц приводят пример значительного роста расходов на психологические исследования и образование в США, вызванные успехами в данной области [22].

Значение практики в развитии психологии подчеркивает британский историк науки Роджер Смит [18]. В своей работе “История наук о человеке”, одновременно вышедшей в 1997 г. в Англии и США, автор приводит тот же пример зависимости бурного развития американской психологии от социального заказа в сфере образования, а также производства, управления персоналом, социальной адаптации иммигрантов. В предисловии к русскому изданию книги И.Е. Сироткина замечает, что автор одним из первых в истории психологии затрагивает актуальный вопрос о воз-

никновении этой дисциплины из управленческих практик [там же].

Профессор Джорджтаунского университета Дэниел Н. Робинсон представляет “Интеллектуальную историю психологии” от эпохи эллинизма до нашего времени [16]. В работе, выдержавшей в США три издания, автор определяет социальный контекст возникновения основных психологических идей. Робинсон отмечает значительную чувствительность именно психологии к смене политических, экономических, религиозных и других социальных обстоятельств. Влияние исторических и культурных контекстов на развитие психологии автор объясняет, во-первых, наследованием научной тематики “от прошлого”, во-вторых, традиционным характером и культурной обусловленностью практики решения конкретных проблем [там же]. Так, возвращение к определенным проблемам и идеям в истории психологии Робинсон связывает с повторяемостью неких политических и философских диспозиций, установок.

В литературе, посвященной вопросам социальной обусловленности психологии, разводятся понятия культурной, экономической, политической детерминации ее развития. В частности Дэвид Мескилл обосновывает необходимость учета политэкономической ситуации в историко-психологическом анализе [30]. В качестве примера он рассматривает причины обращения к характерологическим исследованиям в Германии 1920-х гг. Основным фактором, по мнению автора, стало осознание руководством германских компаний необходимости в высококвалифицированных работниках, обладающих такими качествами, как ответственность, добросовестность и трудолюбие.

На специфическое значение социального фактора в истории психологии указывают Н. Калампаликис, С. Делови и Ж.-П. Петар. Особое внимание уделяется географической детерминации. Авторы замечают, что, когда заходит речь о событиях в таких дисциплинах, как социология, история, психология, чаще вспоминаются места, а не имена и даты, с этими событиями связанные, например, Венский кружок, Чикагская школа [27]. При характеристике событий в науке ученые оперируют понятием “историческое пространство”, отражающим значение не столько времени, сколько места научного творчества. Авторы настаивают на необходимости обращения не только к истории ученого, но и географии открытия, городу, институту, коллективу, где родилась научная идея.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

Одним из наиболее дискуссионных является политический аспект изучения социальной детерминации психологии, особенно отечественной. Ему в своих последних работах уделил особое внимание А.В. Петровский [12, 13]. Автором предложен новый раздел истории психологии – “политическая история психологии”. В качестве предмета предлагается изучать развитие психологической науки в ее зависимости от политической конъюнктуры общества. Вместе с тем автор замечает, что политическая история психологии может быть вычленена далеко не во всех общественных устройствах, а в государствах тоталитарного и посттоталитарного типа, в частности в Советском Союзе.

Обсуждению закономерностей политической детерминации советской психологии посвящен ряд работ зарубежных исследователей. Со значительным пафосом, оправдывающим название книги, представляет “критическую историю” русской психологии Дэвид Джоравски [26]. Становление психофизиологических и психологических идей характеризуется им в связи с особенностями общественной жизни и государственной власти. При анализе связи психологии и идеологии, роли физиологии в “низвержении” традиционных концепций души и духа во второй половине XIX в., автор, как и большинство историков психологии, оперирует термином духа времени. Д. Джоравски вводит специальное понятие “идеологическая психология”, согласно которой сознание является функцией социальных систем, а умонастроения – проявлением интересов и стремлений группы, замаскированных под универсальные причины. Таким образом, материал истории русской психологии становится для автора основой объяснения закономерностей социальной детерминации развития науки.

Ведущий зарубежный ученый по истории российской и советской науки Лорен Грэхэм рассматривает историю отечественной психологии в контексте становления естествознания, философии и науки о человеческом поведении в СССР [4]. По его мнению, ни одна политическая революция Нового времени “не породила систематическую идеологию относительно физической и биологической природы, как это случилось в результате русской революции” [там же, с. 8]. Вместе с тем обращение к материалам истории советской науки приводит Л. Грэхэма к выводу о неизбежности влияния на науку социальных факторов, социального окружения, невозможности описания ее как “просто объективного отражения при-

роды”. Л. Грэхэм склонен представлять политическое влияние на историю науки как неотъемлемую часть последней. В случае истории советской психологии такое влияние реализуется через обращение к марксистской философии, а конкретнее – к диалектическому материализму. Однако Л. Грэхэм определяет не только негативные, ограничивающие, но и продуктивные результаты влияния. В частности, замечается: “Несмотря на бюрократическую поддержку диалектического материализма советским государством, ряд способных советских ученых вполне искренне создавали интеллектуальные конструкции в рамках диалектического материализма, которые представляют огромный интерес в качестве выдающихся достижений философского материализма” [там же, с. 10]. В качестве таких примеров рассматриваются работы Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева.

Изучение особенностей развития советской психологии в условиях идеологического давления видится значимым для понимания закономерностей развития социальных и поведенческих наук Алексу Козулину [28]. Его работа посвящена изучению различных стилей противоборства научных психологических школ и идеологических требований. Американский автор говорит о невозможности устойчивого соответствия определенной теории идеологическому запросу: “Одни и те же идеи могут в определенный момент квалифицироваться как диалектические и материалистические только для того, чтобы несколько лет спустя осуждаться как вздорные и псевдонаучные” [там же, с. 4].

Необходимо заметить, что отнюдь не все зарубежные публикации, посвященные истории советской психологии, оценивают ее достижения в связи с социальным контекстом. Например, сборник “Современная русская психология” содержит безоценочное представление основных достижений отечественной психологии [30]. Над ним работали известные исследователи советской психологии Л. Рамани, Дж. Брозек, а также Д. И. Злобин, Р. Линн, Б. Кермэн, Дж. Грей. Опубликованный в 1966 г. сборник включает описание основных областей исследования советской психологии – психологии сознания, психолингвистики, психологии умственного развития ребенка и т.д. В качестве единственной характеристики советской психологии как социально детерминированной называется противопоставление себя западной, критичное отношение к буржуазной психологии, в частности, к позициям Ж. Пиаже, А. Гезелла и др. Возможно, именно такое неидеологизированное представление советской психологии составляло задачу авторов.

Анализ политико-идеологической детерминации развития отечественной психологии осуществлялся и в работах советских историков психологии. Так, Е.А. Будилова рассматривала теоретические дискуссии 1920-х гг. как отражение “сложного процесса внедрения марксистской методологии в общественные и естественные науки”: “Эти дискуссии были тесно связаны с общими процессами идеологической жизни в стране, с борьбой против остатков буржуазной и реформистской идеологии и с внутривластной борьбой против оппозиционных групп” [2, с. 24]. В качестве результата влияния идеологического фактора обозначается определение проблематики научных исследований. В частности, “...необходимость перевоспитания людей с буржуазной и мелкобуржуазной психологией, выросших в условиях старого общества и поставленных революцией в новые жизненные условия, требовала решения проблем социальной психологии, выяснения психологических устоев людей различных социальных групп и слоев” [там же, с. 79]. Таким образом, социальность психологической науки рассматривается Е.А. Будиловой не как результат внешнего, чуждого влияния, а как ее имманентная характеристика.

Несмотря на наличие отдельных работ отечественных авторов, посвященных обсуждению особенностей политической истории советской психологии, критическое осмысление данной проблемы стало возможным лишь после смены общественного строя в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В частности, появились сборники под общим названием “Репрессированная наука” (понятие М.Г. Ярошевского) [14, 15]. В этих работах раскрываются разрушительные механизмы и последствия государственного “подавления” науки и ученых. Социальная детерминация науки, в том числе психологической, описывается не только через определение предмета, методов, методологических оснований исследований советских ученых, но также состава, размера, уровня компетентности научных кадров: “Пагубность глобального сталинского террора для будущего страны, для исторических судеб ее народов преувеличить невозможно. Жертвой террора стала преимущественно наиболее работоспособная часть населения, – та возрастная категория, которая, аккумулируя лучшие силы нации, определяет ее процветание” [15, с. 199]. “Гражданственность истреблялась. Крушились нравственные нормы, а с ними и высшая научная ценность – истина, ибо истинным надлежало считать предписанное верховным Умом и его идеологическими органами-щупалами. Критичность, служащая неперменным условием творческого поиска, всегда ведущегося в

условиях неопределенности и риска, становилась одиозным качеством ученого” [там же, с. 10–11]. Ученые были вынуждены “жить с расщепленным сознанием, двойной моралью” [там же].

В.В. Умрихин говорит о “деформации” развития советской психологии на рубеже 1920–1930-х гг. и предпринимает попытку выявления обстоятельств раннего этапа этого процесса, детерминированного формированием сталинского аппарата тоталитарной власти. Этот период следовал за так называемым “великим переломом” – резким ужесточением партийной и государственной политики СССР в связи с выдвинутым в 1928 г. тезисом И. Сталина о нарастании классовой борьбы. В результате произошла “фронтальная деструкция культуры и социально-гуманитарной мысли” [20, с. 7]. Сталинская политика в области науки, по В.В. Умрихину, руководствовалась принципами всеобщей подозрительности; трактовки западной науки как буржуазной, враждебной социализму, догматизации марксизма и “опошления” его в форме “сталинского диамата”, насаждения атмосферы страха; формирования организаторов науки, “заменивших научную работу комментированием партийных постановлений и речей Сталина” [14, с. 138]. Вместе с тем автор отдает долг нравственному подвигу тех психологов, “которые, несмотря на невыносимо сложные условия сталинского общества, продолжали строить здание своей науки, не отступая от служения истине как главной ценности жизни ученого” [там же, с. 144].

Таким образом, обращение к истории развития советской психологии позволяет обнаружить не только значение социального фактора, но и возможности личностного и предметно-логического факторов в компенсации негативных последствий его влияния на науку. Особенности политической детерминации советской науки и психологии широко представлены в работах исследователей Института истории естествознания. Парадоксальность взаимоотношения науки и власти в России отмечают А.Г. Аллахвердян [1], Л.В. Чесновой [21] и др. Новые аспекты этих взаимоотношений представлены в работах М.Ю. Сорокиной [19], С.С. Илизарова [6] и др.

Переломные моменты социально-политической жизни общества и развития психологической науки в России легли в основу периодизации развития отечественной истории психологии, предложенной В.А. Кольцовой [8]. Автором выделены периоды:

1917 – середина 1941 гг.;
середина 1941 – 1945 гг.;
1946 – 1962 гг.;

1963 – 1991 гг.;

1992 – настоящее время.

Первый этап характеризуется трудностями становления самостоятельной психологической науки и развертывания исследований по ее истории в условиях острой идеологической критики, изоляции от мировой науки, разрывом преемственной связи с русской дореволюционной мыслью, ориентацией на прикладные проблемы психологии. Второй этап приходится на время Великой Отечественной войны, когда на фоне патристического подъема и социального заказа военного времени, а также ослабления идеологического контроля активизировались историко-психологические исследования. На третьем этапе, несмотря на восстановление идеологического давления на науку, психологическое сообщество смогло отстоять права психологии на самостоятельный научный статус. В это время историко-психологические исследования стали “важнейшим резервом научного и идейного усиления науки”, определения перспективных направлений развития. Четвертый этап характеризуется стабильностью, расширением сферы взаимодействия с различными отраслями практики и смежными науками, дискуссиями между отдельными психологическими школами. Пятый – современный – этап отличается снятием идеологических ограничений, что порождает, с одной стороны, утрату методологического единства, с другой – историко-научную рефлексию. Таким образом, в периодизации В.А. Кольцовой отражается зависимость истории психологии от практических и идеологических задач, определяемых обществом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет заметить, что в современных работах по истории психологии утверждается независимость, объективность научного знания и детерминированность процесса развития науки. Большинство авторов учебников по истории психологии представляют ее в социальном контексте. Определяются как позитивные, так и негативные аспекты социальной детерминации развития психологии. В целом среди ее функций можно выделить стимулирующую, направляющую и ограничивающую. Как основные примеры социального влияния на развитие психологии рассматриваются рост практико-ориентированных психологических исследований в начале XX в. в США и становление марксистско-ориентированной психологии в СССР. В работах содержится идея об уровне и поэтапном ха-

рактуре оказываемого влияния. В качестве стадий социальной детерминации науки могут быть обозначены уровни общества и научного коллектива. Рассматриваемый вид детерминации развития психологии может обнаруживать себя на этапах: 1) постановки научной проблемы, разработки теории; 2) признания и распространения теории; 3) критики и пересмотра основных положений теории.

Практически ни одна серьезная работа, затрагивающая проблемы социальной детерминации поведения, не обходит понятия *Zeitgeist* (дух времени). Данный термин, впервые введенный в историю психологии Э. Борингом [25], использовался им для характеристики свойственной определенному времени атмосферы мнений, направляющей мышление исследователя, и по сей день составляет основу традиции определения социальной детерминации психологии – “подход духа времени” (*The Zeitgeist approach*) [8].

В современных публикациях понятие социальной детерминации психологии конкретизируется в представлениях об экономической, культурной, политической, идеологической обусловленности. При анализе политической детерминации развития психологии дается характеристика как позитивных, так и негативных аспектов научной политики, реализованной в отношении американских, германских, российских и др. ученых. Большее развитие приобретает “социально-исторический подход в истории психологии” (*The Social History approach*) [8]. Представление об экономической обусловленности обнаруживает связь с идеей детерминации практикой. Разводятся понятия социальной и научно-социальной детерминации. К сожалению, результаты науковедческих исследований, в частности, в русле социальной психологии науки, не всегда находят отражение в конкретных историко-психологических исследованиях. В этом смысле заслуживают внимания работы Т.Д. Марцинковской, не только вводящей понятие “социальная ситуация” становления и распространения научных концепций, но и конкретизирующей представления об этом феномене на материале истории психологии.

Особым аспектом анализа истории развития психологии авторами отечественных и зарубежных учебников является история российской и советской психологии. Она представляется прежде всего в политическом контексте и в ряде работ является реализацией “национального, или народного подхода” в истории психологии (*The National or Volkgeist approach*) [8]. Именно политический, макросоциальный аспект социальной детерминации развития отечественной психоло-

гии наиболее широко представлен в современных публикациях.

В целом современные историки психологии рассматривают динамику психологического познания в условиях социальной среды, дополняя изучением предметно-логической и личностной координат развития науки. Однако характер взаимосвязи трех основных аспектов развития психологии все еще не стал предметом самостоятельного исследования. Рефлексия психологического знания предполагает сравнительный анализ теорий, возникших в условиях различных политических, экономических, идеологических условий с учетом особенностей этапа развития науки и личности ее творцов. Для истории отечественной психологии это положение приобретает особую актуальность при осмыслении достижений советской психологии в современных условиях деидеологизации науки. Рассмотренные науковедческие и историко-психологические подходы обнаруживают ограниченность в определении механизма социальной детерминации развития психологии, что обуславливает необходимость дальнейшего углубления представлений о взаимосвязи общества и субъекта научного психологического познания. Вместе с тем обращение к проблеме и конкретным случаям социальной детерминации развития психологии большинством авторов современных учебников позволяет говорить о перспективности разработки историко-психологического решения данной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллахвердян А.Г. Как репрессированный аспирант стал исследователем “репрессированной науки” (научное и личное в творческой судьбе М.Г. Ярошевского) // Вопросы истории, естествознания и техники. 2002. № 2. С. 356–360.
2. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972.
3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.
4. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991.
5. Ждан А.Н. История психологии: от Античности до наших дней: учебник для вузов. 8-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Трикста, 2008.
6. Илизаров С.С. “Свои чужие”. Из истории социальной стратификации советской научной элиты // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 1998 г. М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 170–176.

7. Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1984.
8. Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
9. Лихи Т. История современной психологии. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003.
10. Марцинковская Т.Д. История психологии: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 9-е изд., стер. М.: Академия, 2009.
11. Марцинковская Т.Д., Юревич А.В. История психологии: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2008.
12. Петровский А.В. Психология и время. СПб.: Питер, 2007.
13. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 1. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
14. Репрессированная наука / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991.
15. Репрессированная наука. Вып. 2 / Под ред. М.Г. Ярошевского. СПб.: Наука, 1994.
16. Робинсон Д.Н. Интеллектуальная история психологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
17. Саугстад П. История психологии. От истоков до наших дней. Пер. с англ. Самара: Бахрах-М, 2008.
18. Смит Р. История психологии. Пер. с англ. М.: Академия, 2008.
19. Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб.: Нестор, 1997. С. 248–254.
20. Филатов В.П. Об истоках лысенковской “агробииологии”: Опыт социально-философского анализа // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 3–22.
21. Чеснова Л.В. Наука и власть в Советской России (1918 – начало 30-х гг.) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. 1998 г. М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 279–282.
22. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. Пер. с англ. СПб.: Евразия, 2002.
23. Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
24. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М., Воронеж: МОДЭК, 1996.
25. Boring E.G. History of experimental psychology. N.Y.: The Century Company, 1929.
26. Joravsky D. Russian psychology: a critical history. Oxford, 1989.
27. Kalampalikis N., Delovée S., Pétard J.-P. Historical spaces of social psychology // History of the Human Sciences. Vol. 19. May 2006. P. 23–43.
28. Kozulin A. Psychology in Utopia. Toward a Social History of Soviet Psychology. London, 1984.
29. Meskill D. Characterological Psychology and the German Political Economy in the Weimar Period (1919-1933) // History of Psychology. 2004. Vol. 7. № 1. P. 3–19.
30. Present-day Russian Psychology / Ed. N. O'Connor. Oxford-London-Edinburg; N.Y.; Toronto; Sydney; Paris; Braunschweig: Pergamon Press. 1966.
31. Simonton D.K. Greatness: Who Makes History and Why. N.Y., 1994.

MODERN TENDENCIES IN HISTORIC-AND-PSYCHOLOGICAL STUDY OF SOCIAL DETERMINATION IN THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGY

O. A. Artem'eva

PhD, assistant professor, social psychology chair, Irkutsk State University, Irkutsk

The problem of social determination in psychological science development, main tendencies of its solution by the authors of present-day domestic and foreign textbooks in history of psychology are considered. Standpoints about character and peculiarities of the exerted influence, its kinds, levels, functions, about interconnection with object-logical and personal factors are defined. The results of study of political aspect in social determination of Soviet psychology development are presented. The conclusion about topicality of study of social determination in development of domestic psychology as the result of inefficient elaboration of the problem is drawn.

Key words: history of psychology, social determination in development of psychology, domestic psychology.